

УДК 342.41

DOI 10.21685/2072-3016-2018-3-1

Ю. Л. Шульженко

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ПОНЯТИЯ, СООТНОШЕНИЕ

Аннотация.

Статья посвящена анализу основополагающих понятий в отечественной государственной-правовой науке и практике – «конституционализм» и «парламентаризм». При этом широко использован исторический метод. Показаны подходы, решения в данной области на различных этапах социально-экономического, политического развития нашей страны. В связи с этим отмечается, что термин «конституционализм» в годы абсолютной, неограниченной монархии в России фактически не употреблялся, не исследовался. Он стал достаточно широко использоваться лишь в годы конституционной монархии. Однако само понятие «конституционализм» также еще не разрабатывалось. В годы социализма данный вопрос фактически был снят с повестки дня. Возвращение к нему наблюдалось лишь в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века, и акцент делался на разработке понятия «советский конституционализм». В наши дни создание реального, практического конституционализма рассматривается как одна из важнейших задач, решаемых Россией. И вполне закономерно, что данная проблематика находится в центре внимания современной российской науки. В статье выделяются основные черты конституционализма: отправная точка конституционализма – наличие конституции, верховного акта в правовой иерархии, устанавливающего базовые государственно-правовые основы жизни, функционирования общества, государства, и, что особенно важно, права, свободы человека, гражданина; практический конституционализм означает, прежде всего, как реально, в повседневной жизни, в действительности введено, функционирует все то, что уставлено, связано с ним в основном законе; теоретический конституционализм, включающий в себя сумму знаний по данной проблематике в обществе. Реальная разработка понятия «парламентаризм» началась у нас, по сравнению с западными странами, сравнительно поздно, в первом десятилетии XX в. В дореволюционный период в России были различные подходы к его пониманию. Господствующий подход состоял в его трактовке через зависимость исполнительной власти, правительства, министерства, министров от доверия парламента. Генеральная линия фактически всего периода социализма – отказ, отрицание парламентаризма, острейшая критика его в капиталистических странах. Особенность его определений, даваемых отечественными учеными, состояла в том, что они касались буржуазного, капиталистического парламентаризма. Начиная с 1992 г. в России после долгих лет отрицания парламентаризма происходит своего рода его возрожде-

© 2018 Шульженко Ю. Л. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

ние. Сегодня вносится наисущественнейший вклад в разработку отечественной теории парламентаризма. Особенно важно подчеркнуть здесь, что в центре внимания современных отечественных ученых его главный признак, отраженный в той или иной форме практически во всех его определениях и именуемый в большинстве случаев верховенством парламента.

Ключевые слова: конституционализм, конституция, парламентаризм, народное представительство, разделение властей, исполнительная власть, правительство, политическая партия, правовая охрана конституции.

Yu. L. Shul'zhenko

CONSTITUTIONALISM AND PARLIAMENTARISM: DEFINITIONS, CORRELATION

Abstract.

The article is devoted to the analysis of the basic concepts in the national state-legal science and practice – “constitutionalism” and “parliamentarism”. At the same time, the historical method is widely used. The approaches, solutions in this field at various stages of socio-economic and political development of our country, are shown. In this regard, it shall be noted that the term “constitutionalism” in the years of absolute, unlimited monarchy in Russia was not actually used, was not investigated. It became widely used only in the years of the constitutional monarchy. However, the very concept of “constitutionalism” has not yet been developed. In the years of socialism, this issue is effectively removed from the agenda. Return to it is observed only in the late 70’s – early 80’s of the last century and focuses on the development of the concept of “Soviet constitutionalism”. Nowadays, the creation of real, practical constitutionalism is considered as one of the most important tasks to be accomplished by Russia. In addition, it is quite natural that this problem is at the center of attention of modern Russian science. The article highlights the main features of constitutionalism. First, it is based on the fact that its starting, its fundamental attribute is the existence of the constitution as of a special document of the society, of the state which occupies the supreme position with respect to all elements of the political system, their assets, which has the highest legal force in the legal hierarchy. Secondly, it is practical constitutionalism. This means, first of all, how it is really and effectively implemented in everyday life, how does everything function, everything that is fixed and is related to it in the basic law. Thirdly, it is theoretical constitutionalism. This is, first of all, the sum of knowledge regarding this issue found in the society. The real development of the concept of “parliamentarism” began comparatively late in our country, in comparison with Western countries, i.e. in the first decade of the twentieth century. In the pre-revolutionary period in Russia there were different approaches to its understanding. The dominant did consist in its interpretation through the dependence of the executive, the government, the ministry, and ministers on the parliament’s trust thereof. The general line of virtually the whole period of socialism is the rejection, denial of parliamentarism, and its sharpest criticism in the capitalist countries. The peculiarity of its definitions, given by domestic scientists, was that they concerned bourgeois, capitalist parliamentarism. Since 1992, in Russia, after years of denying parliamentarism, a kind of revival is taking place. Today, the most significant contribution is made to the development of the national theory of parliamentarism. It is especially important to emphasize here that its main feature is now in the center of modern domestic scientists’ attention, the feature that is reflected in one form or the other in almost all of its definitions, and in most cases referred to as the supremacy of the parliament.

Key words: constitutionalism, constitution, parliamentarism, people's representation, separation of powers, executive power, government, political party, legal protection of the constitution.

Введение

Вступление России в новый этап социально-экономического развития ознаменовалось рядом новых, значимых явлений в государственной правовой теории. Одно из них – это придание нового звучания ряду краеугольных, основополагающих понятий, проблематике их взаимосвязанности. Эта ситуация обусловлена тем, что такие понятия подтвердили не на словах, а на реальном деле свою жизненную необходимость, востребованность, эффективность за рубежом, и главным образом в наиболее развитых странах. Немаловажен здесь и тот факт, что реально, практически ряд из них имел место и в нашей стране в прошлом, но в силу некоторых как объективных, так и субъективных факторов от них, мягко выражаясь, отказались. Характерно и то, что сегодня идет и интенсивная, продуктивная разработка определений таких понятий. Подчеркнем, что это особенность, своего рода традиция отечественной науки на протяжении всех лет ее существования. За рубежом данные вопросы фактически никогда не были в центре внимания. Все это относится к таким понятиям-титанам, как «конституционализм» и «парламентаризм». Немаловажен здесь и тот факт, что практически во все периоды отечественной истории, так же как и в наши дни, как будет показано далее, в центре внимания нашей науки постоянно находится вопрос об их соотношении, взаимоотношении. Все это в целом и обуславливает актуальность избранной темы данной статьи.

I. Отношение к термину, понятию «конституционализм» в дореволюционной России. Начнем с конституционализма. Сам этот термин связан с Конституцией США 1787 г. Ее создатели видели в конституции, конституционализме верховенство, высшую юридическую силу основного закона над иными правовыми актами. В дальнейшем конституционализм стал также характеристикой, показателем демократизма различных государств. В отечественной юридической литературе периода абсолютной, неограниченной монархии в России термин «конституционализм» мало употреблялся, фактически не разрабатывался.

Определенный шаг вперед делается в теоретической разработке данных вопросов в нашей стране в период конституционной монархии (1905 г. – февраль 1917 г.). Именно тогда термин «конституционализм» стал достаточно широко использоваться в России. Однако при этом разработке самого понятия «конституционализм», как и ранее, не уделялось должного внимания. Даже в таком фундаментальном научном издании, как «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», вместо конкретного определения понятия «конституционализм» указывалось: «Конституционализм, Конституционное движение в Европе – см. Представительные учреждения, Парламент» [1]. Таким образом, понятие конституционализма не раскрывалось, а читатель отсылался к понятиям «конституционное движение», «представительные учреждения», «парламент», которые, по-видимому, и выражали в те годы сущность данной категории. Аналогичного плана была позиция о соотношении конституционализма со вторым понятием – «парламентаризм», который мы

будем исследовать подробнее далее, а также с тесно связанным с последним понятием «народное представительство».

Такой подход в целом свойственен для дореволюционных исследователей. Они, как показывает анализ юридической научной литературы тех лет, как правило, отождествляли конституционализм главным образом с различного рода понятиями, в частности с отмеченными ранее понятиями «парламентаризм», «народное представительство». Но вместе с тем наибольшую группу составляли те, кто отождествлял понятие «конституционализм» с такими понятиями, как «конституционное государство», «правовое государство» [2]. В связи с этим коротко отметим, что теория конституционного государства, сам термин «конституционное государство» возникли в Германии в первой половине XIX в., вскоре после Реставрации. Наиболее яркое выражение они нашли в трудах ученых либерального толка – В. Аретина, К. Роттера, К. Велькера, Карл Соломона Захариэ. Идеи правового государства мы встречаем еще в трудах политиков, философов, юристов Древней Греции, Рима. Ряд положений в данной области в дальнейшем выдвигались Ш. Монтескье, Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, А. Смитом. В философии основы теории правового государства формулировались Д. Локком, а позднее И. Кантом и И. Г. Фихте. В России идеи конституционного, правового государства получили особое развитие в конце XIX – начале XX в. Центральное место здесь занимают вопросы их соотношения. Особый, значительный вклад в разработку данной проблематики внесли такие известные отечественные ученые-юристы того времени, как В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкин, Б. А. Кистяковский, С. А. Корф, С. А. Котляровский.

Вопрос о практическом парламентаризме фактически снимается в период буржуазной республики (февраль–октябрь 1917 г.). С падением монархии в России отменяются Основные государственные законы 1906 г. Результатом стало отсутствие общероссийской Конституции, а следовательно, и практического конституционализма. Вместе с тем определенные элементы конституционализма мы находим в ряде законодательных правовых актов, разработанных и принятых в это время, например в Положении о выборах Учредительного собрания, актах, связанных с реформой местного управления и самоуправления [3]. Обратим внимание и на специфический орган, действующий непродолжительное время, – Временный Совет Российской республики, который был утвержден Постановлением Временного правительства от 2 апреля 1917 г. [4]. Это был главным образом совещательный орган при Временном правительстве. Наряду с этим в деятельности данного органа имели место элементы парламентаризма, составной части конституционализма. Это, например, наличие фракций, комиссий. Недаром в те времена его называли «предпарламент». В теоретическом конституционализме все ограничивалось изданием небольших брошюр, статей в периодике [5, 6].

II. Отношение к конституционализму в годы социализма. С самого начала советского периода шел процесс фактического свертывания теоретической разработки конституционализма. В немногочисленных определениях первых лет его, как ранее, связывали с различного рода государственно-правовыми понятиями, исключительно с конституционной монархией. Приведем пример такого определения: «Конституционным государственным строем, или короче – конституционализмом, в противоположность самодержавию

или абсолютизму, называют такую политическую систему, при которой власть монарха в государстве ограничена народным представительством (парламентом)» [7].

В 30-е гг. прошлого века в нашей стране вопросы конституционализма, его разработки фактически сводятся на нет, что, с нашей точки зрения, отвечало интересам командно-административной системы, сложившейся в СССР, культу личности.

Возвращение к конституционализму пришло лишь к концу 70-х – началу 80-х гг. прошлого века. Акцент делался на разработке понятия «советский конституционализм», его противопоставлении буржуазному, капиталистическому конституционализму, острой критике последнего. Уже тогда отмечалось, что конституционализм в целом и социалистический конституционализм в частности – сложная системная категория, имеющая различные стороны, аспекты целого, требующая различного рода подходов. На этом и строились научные исследования в данной области. Прежде всего отметим наиболее общие подходы, лаконичные определения конституционализма, которые главным образом связывали его с наличием конституции [8, 9].

Далее имели место более многосторонние подходы к конституционализму, его определению. М. И. Нелин характеризует советский конституционализм как совокупность конституционной теории, конституционных норм, реальной конституционной практики [10]. С точки зрения Л. С. Мамута, конституционализм вытекает прежде всего из факта наличия конституции, конституционно-правового урегулирования государственного строя, политического режима, конституционной защиты прав, свобод человека. Указывалась и теоретическая сторона конституционализма в качестве совокупности идей [11]. Ю. П. Еременко называет три стороны конституционализма: определенные знания, взгляды; общественно-политическое движение, в основе которого лежит конституция, т.е. классовые интересы, на основе которой они достигаются; реальные общественные отношения, которые достигаются в результате выполнения конституционных предписаний [12]. К данной группе относится и подход Ю. И. Скуратова, который включает в состав советского конституционализма семь основных элементов и сосредоточивает свое внимание на выделении важнейших принципов советского конституционализма [13].

Весьма положителен факт обращения к анализу ряда новых вопросов в данной области, которые ранее не анализировались. Это, например, использование в прошлом понятия конституционализма в отношении нашего государства. В частности, это связывалось с идеализацией социализма в нашей научной литературе, позиции чуждости конституционализма социализму. Вернулись и к вопросам взаимоотношения конституционализма и парламентаризма, констатируя при этом, что история конституционализма связана прежде всего со становлением, развитием представительной демократии. Было заявлено, что в годы социализма отвергались многие теории прогрессивного плана. Это касается, например, правового государства, парламентаризма. Важно и то, что особо подчеркивалось, что их учет имеет большое значение для теории и практики социалистического конституционализма. Указывалась наитеснейшая связь понятий «конституционализм» и «парла-

ментаризм». Заговорили и о сближении буржуазного и социалистического конституционализма, т.е. о конвергенции [14].

III. Современное определение конституционализма. Сегодня создание реального практического конституционализма рассматривается как одна из важнейших задач, решаемых Россией. В связи с этим естественно, что данные вопросы находятся в центре внимания отечественных ученых. Ведется и широкая полемика по поводу определения «конституционализм». Высказываются самые различные точки зрения, подходы, решения. В 80–90-е гг. прошлого века наметилась тенденция дать по возможности наиболее краткое, обобщающее определение данного понятия. Так он трактуется в качестве способа реального «ограничения власти над индивидом» [15]. По мнению авторов монографии «История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв.», конституционализм «означает прежде всего сам факт наличия конституции и ее активного влияния на политическую жизнь страны, верховенство и определяющую роль конституции (писаной или неписаной) как основного закона в системе действующего законодательства, опосредованность политических отношений конституционно-правовыми нормами, конституционную регламентацию государственного строя и политического режима, конституционное признание прав и свобод личности, правового характера взаимоотношений гражданина и государства» [16]. И. М. Степанов трактует конституционализм так: «...емкое явление в самых первичных представлениях о нем объемлет собой теорию конституции, историю и практику конституционного развития той или иной страны, группы стран, мирового сообщества в целом. В узком смысле под конституционализмом можно понимать особую систему знаний о фундаментальных политико-правовых ценностях демократии: составе, формах выражения, методах и степени реализации» [17]. В. Е. Чиркин, ссылаясь на невозможность краткого определения конституционализма, трактует его следующим образом: «...это общественно-политическое движение, научная теория, государственная доктрина и конституционная практика, соответствующие общечеловеческим ценностям, идеям свободного, открытого общества, демократического, социального, правового и светского государства» [18].

Практически аналогичная картина сложилась в наши дни в западной науке. При этом в подавляющем большинстве случаев говорят лишь о «западном конституционализме», давая его краткие определения, обращая внимание в первую очередь лишь на отдельные его стороны. Например, английский ученый Х. Барнетт трактует конституционализм как «доктрину, которая направляет легитимность актов управления». Французы Ж. и Ж.-Э. Жаккели отмечают, что «западный конституционализм в его классической форме основывается на социальном, политическом и институциональном равновесии». Венгерский автор А. Шайо понимает конституционализм как ограничение, а точнее «самоограничение» власти конституцией, принятой этой же властью [19–21].

Вместе с тем следует отметить, что сегодня наши ученые сосредоточивают свое внимание на комплексности, многосторонности, сложности категории «конституционализм» и, исходя из этого, в центр ставят глубокий, всесторонний анализ ее различного рода сторон. И здесь мы видим также различные подходы. С точки зрения С. А. Авакьяна, конституционализм пред-

ставляет собой «сложную общественно-политическую и государственно-правовую категорию, основу которой составляют идеалы конституционной демократии (т.е. демократии, базирующейся на наличии конституции как особым документе государства и общества), наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и системы защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом» [22]. В. Е. Чиркин отмечает одну из особенностей подхода отечественных авторов к содержанию термина «конституционализм» по сравнению с зарубежными исследованиями, которая заключается в более широких позициях. В связи с этим отмечается, что в российской научной литературе выделяются общественно-политическое движение, теория, доктрина, практика конституционализма [18]. И. А. Кравец рассматривает данную категорию через правовую, историческую, политическую, социальную призму и через совокупность восьми элементов [23]. Многосторонний, комплексный подход к понятию «конституционализм» предлагает Н. А. Боброва [24].

Изучение представленных в научной литературе определений, подходов дает возможность выделить наиболее общие точки соприкосновения, близкие по содержанию и смыслу, и высказать свою позицию по данной проблеме. При этом заметим, что автор данной статьи в определенной мере обозначил ранее в научной литературе свой подход к понятию «конституционализм» [25, 26]. И теперь здесь идет речь о его определенном развитии, уточнении. Во-первых, конституционализм возникает, существует, функционирует лишь тогда, когда есть конституция в качестве особого документа общества, государства, занимающего верховное положение в отношении всех элементов политической системы, их актов, обладающего высшей юридической силой в правовой иерархии. Нет конституции, нет конституционализма. Немаловажно и то, что закреплено в основном законе. Должен быть четко, ясно определен государственный строй и, прежде всего, такие его важнейшие институты, как демократическое, правовое, конституционное государство, разделение властей, непосредственная и представительная демократия, парламентаризм, самоуправление. Особое, центральное место должны занимать положения, касающиеся правового статуса личности, гражданина, демократических, конституционных прав и свобод, их гарантий. Одно из обязательных условий закрепления эффективной системы правовой охраны основного закона через такие ее формы, как особый порядок принятия, внесения изменений и дополнений в него, конституционный контроль и надзор, толкование.

Во-вторых, практический конституционализм, который находит реальное воплощение в развитии конституционных положений в текущем законодательстве. Главенствующая роль здесь отводится правам и свободам человека, гражданина и прежде всего их гарантиям. Важное значение при всем этом имеет и то, как те, кто обладает реальной властью, знают, четко и полностью воплощают в жизнь все конституционные предписания. Конституционализм выражается и в практике реализации положений конституции в повседневной жизни населения и, главным образом, в ее уважении, четком соблюдении.

В-третьих, теоретический конституционализм. Он представляет собой сумму знаний по данной проблематике в обществе. Основа его – конституционные проекты, документы политических партий, высказывания представителей политической мысли и в особенности труды ученых-государствоведов.

IV. Отношение отечественной дореволюционной науки к понятию «парламентаризм». Проблематика конституционализма, разработка его определения в большей или меньшей степени постоянно находились в поле зрения российской дореволюционной государственно-правовой науки, и в первую очередь государственного права.

При этом мы далеки от позиции, что теория парламентаризма – наше детище, что она возникла сама по себе, из ничего. Без всякой доли сомнения можно и следует утверждать, что отечественные подходы, решения в данной области основывались в первую очередь на разработках, достижениях зарубежных ученых, и в первую очередь Англии, Германии, Франции главным образом XIX в. [27–29]. В дальнейшем они развивались, дополнялись отечественными государствоведами прежде всего на основе анализа, учета российской специфики. Предлагались и новые решения, конструкции, имело место сосредоточение на ряде вопросов, которые по тем или иным причинам не разрабатывались, не были в центре внимания за рубежом.

Обратим здесь внимание на одну из особенностей: реальная, активная разработка данных вопросов началась у нас, по сравнению с западными странами, сравнительно поздно, в первом десятилетии XX в. Катализатором здесь стала буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг., в результате которой в России создается двухпалатный парламент в лице Государственного Совета и Государственной Думы.

Появление первых определений парламентаризма в нашей стране как раз и связано с дореволюционным периодом, и прежде всего с периодом между первой и второй буржуазно-демократическими революциями (1905 г. – февраль 1917 г.). Отличительная черта – многообразие подходов. Главенствующая черта состоит в определении парламентаризма через отношение «парламент – правительство (министерство)», в зависимости последнего от доверия первого. Например, с точки зрения Н. И. Лазаревского, «наиболее существенным видом воздействия народного правительства на управление является так называемый “парламентаризм”, т.е. зависимость состава министерства от доверия, оказываемого ему народным представительством» [30]; по мнению С. А. Корфа, «сущность парламентаризма заключается в зависимости правительства от доверия, оказываемого ему нижней законодательной палатой» [31].

Отмеченные подходы к парламентаризму, его определению, дали возможность сделать вывод следующего характера: наличие зависимости исполнительной власти, правительства, министерства, министра от доверия парламента есть основополагающий признак парламентаризма. Это наиболее четко сформулировал К. Н. Соколов: «Парламентаризм есть высшая, более развитая, по сравнению с дуализмом, форма представительной государственной организации, все эти вторичные признаки его в результате сводятся, как к основной своей причине, к началу зависимости парламентарного министерства от доверия или недоверия парламента» [32].

В науке имели место и другие определения парламентаризма, основанные на иных подходах, например на политической ответственности министров; на включении в парламентаризм понятий избирательного права (порядок проведения выборов, место и роль избирателей и др.) [33, 34].

Таким образом, выделим то наиболее общее, что характерно для преобладающего большинства определений парламентаризма, данных в отечественной науке дореволюционного периода: во-первых, сфера действия, существования парламентаризма – парламент-исполнительная власть, взаимоотношения парламента и правительства; во-вторых, возникновение, развитие парламентаризма, его сущность связаны с приданием парламенту ряда функций исполнительной власти, направленных прежде всего на его верховенство, усиление реального его влияния на правительство; в-третьих, это реальное влияние главным образом заключается в зависимости правительства (министров) от доверия, оказываемого ему парламентом, в целях достижения согласия, доверия между ними; в-четвертых, иные подходы к формулировкам понятий «парламентаризм» через политическую ответственность, организацию выборов и т.д. имеют единичный характер.

Такой подход российских ученых основывался на том, что наша страна после первой буржуазно-демократической республики стала конституционной, представительной монархией. Главные характеристики ее – создание, функционирование представительных органов государственной власти; активное выполнение ими законодательных полномочий. В научной литературе того времени отмечалось, что такой подход был четко закреплён в основных законах фактически всех конституционных монархий в следующих формулах: «законодательная власть осуществляется в слиянии монархов с народным представительством», «ни один закон не может быть издан, изменен, отменен, приостановлен, аутентически истолкован иначе, как с согласия и одобрения народного представительства». Такого же рода позиции мы находим и в России, в ст. 7, 96 Основных государственных законов 1906 г. [35, 36].

Следует отметить также оценку данной формы правления России по сравнению с зарубежными конституционными монархиями, представленную отечественными учеными-юристами. Значительная часть из них вполне обоснованно, по нашему мнению, характеризовала ее как наименее развитую, находящуюся в зачаточном состоянии. Такая ситуация связывалась прежде всего с отсутствием у Государственной Думы какого-либо фактического влияния на организацию и функционирование правительства [37].

V. Отрицание парламентаризма в советский период. Генеральная линия фактически всего периода социализма – отказ, отрицание парламентаризма, острейшая критика его в капиталистических странах. На это в первую очередь была направлена вся мощь теоретической советской мысли. Специфика определений парламентаризма, даваемых отечественными учеными, заключалась в том, что они касались буржуазного, капиталистического парламентаризма. Однако при этом полностью игнорировались, не учитывались взгляды, подходы, позиции, аргументации западных государствоведов. Приведем примеры таких определений: «При парламентаризме руководящая роль предписывается законодательному учреждению (“парламент” в Англии и во Франции, “конгресс” в Америке)» [38]. Парламентаризм – «это особая система государственного руководства обществом буржуазией, характеризующая-

ся разделением труда законодательного и исполнительного при привилегированном положении парламента» [39]. Анализ таких определений свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве из них в большей или меньшей степени поддерживается, вычленяется такой признак парламентаризма, как верховенство парламента.

VI. Возрождение парламентаризма в наши дни. Начиная с 1992 г. Россия вступает в новый социально-экономический, политический период. После долгих лет забвения, отрицания парламентаризма происходит своего рода его возрождение. Сегодня вносится наисущественнейший вклад в разработку отечественной теории парламентаризма. Традиционным для отечественной юридической науки остается вопрос определения понятия «парламентаризм». В связи с этим предлагается большое количество решений, которые жидутся на различного рода подходах. При этом, с нашей точки зрения, можно говорить о двух главенствующих: во-первых, выработке, предоставлении четких, конкретных, завершенных определений; во-вторых, констатации, перечислении, указании лишь тех или иных сторон, характерных признаков парламентаризма.

К первой группе относятся наиболее лаконичные определения. Например, это прежде всего те, в которых парламентаризм характеризуется как особая система государственного руководства управления обществом, основанная на принципе разделения властей и верховенстве парламента: «парламентаризм – особая система государственного руководства обществом, которая характеризуется разделением труда законодательного и исполнительного при существенной политической и идеологической роли парламента» [40, 41]. Сюда следует отнести определение, в котором в качестве основы функционирования парламентаризма называется также верховенство закона, а в качестве цели парламентаризма – реализация конституционно закрепленного полномочия народа [42].

Предоставлены и определения, в которых акцентируется внимание на взаимоотношениях «парламент – правительство», «парламент – иные органы государственной власти». Так, от «слова “парламент” возникло производное понятие “парламентаризм” как особая система государственного управления, основанная на разделении властей и контроле парламента в отношении правительства» [43]. Ряд позиций касается тех или иных функций парламента. Одна из них акцентирует внимание на таких, как представительная, законодательная, контрольная, другие – на законодательной и контроле за деятельностью исполнительной власти [44, 45].

Представлены весьма удачные, по нашему мнению, определения, акцентирующие внимание на трактовке парламентаризма как системы управления в государстве, формы государственного руководства с представлением многообразия различного рода сторон их проявления. Налицо хорошее сочетание лаконичности наряду с показом многогранности парламентаризма. Приведем пример такого рода определений: «Опираясь на опыт многих стран, можно рассматривать парламентаризм как систему управления в государстве, предполагающую выборы общегосударственного представительства (парламента), его верховную (например, в федерациях) и ведущую роль в системе органов государства, выполнение законодательных, кадровых и контрольных функций, применение парламентских форм и методов деятель-

ности на основе состязательности и сотрудничества членов парламента, представляющих различные слои общества. Такое определение отражает главное в парламентаризме, хотя, безусловно, государственная практика поливариантна» [46].

В некоторых подходах понятие парламентаризма связывается с понятием «государственный строй», системой организации государственной власти и верховенства парламента в системе государственных органов [47, 48]. Трактуются парламентаризм и как система организации государственной власти, где в качестве основы называется принцип верховенства права (закона) при ведущей роли парламента с целью достижения социальной справедливости и правопорядка [49, 50].

Данное понятие связывается и с такой категорией, как политическая система. Обосновывается это, в частности, тем, что сегодня государствоведение значительно расширило подходы к рассмотрению конституционных проблем, используя для рассмотрения взаимоотношений основных конституционно-правовых институтов более широкую категорию – систему правления [51]. Трактуются парламентаризм и как политический режим, показателями которого называются политическая демократия, разделение властей, их баланс между собой при доминирующей роли парламента, который избирается населением как система политической организации государства [52, 53]. Представлены и определения, основанные на соотношении понятий «народное представительство» и «парламентаризм», по которому последний представляет собой концепцию «квалифицированного народного представительства» [54].

Основным показателем второго подхода к определению парламентаризма является выделение, обоснование определенной совокупности его признаков, сторон. Наибольший вклад, по нашему мнению, внес С. А. Авакьян. Это нашло свое выражение прежде всего в различного рода его публикациях и в наиболее завершенном виде в учебном курсе «Конституционное право России». По мнению ученого, «парламентаризм предполагает: освобождение депутатов от выполнения основных, производственных функций, концентрацию их на деятельности в представительном органе; депутат как процессия, социальное состояние, получение депутатского жалования в качестве главного источника средств существования; определенный круг дел представительского учреждения; определенные формы, методы, стиль работы представительского учреждения» [55]. Свое мнение высказали и иные отечественные ученые-юристы [44, 56].

Приведенные здесь примеры свидетельствуют о существовании отличных от прежних современных отечественных подходов к понятию «парламентаризм». В наши дни такие подходы сводятся к следующему. Во-первых, отнесение парламентаризма в большей или меньшей степени к той или иной государственно-правовой категории или слияние с такой категорией (система государственного руководства, государственный строй, политическая система, политический режим и др.). Во-вторых, закрепление в качестве первоосновы возникновения, существования, функционирования парламентаризма верховенства парламента. В-третьих, закрепление и иных основ возникновения, существования, функционирования парламентаризма (разделение властей, верховенство права (закона) и др.). В-четвертых, фактическое снятие

(завуалирование) прежнего определения сущности парламентаризма, связанной с взаимоотношениями «парламент – правительство», зависимости, контроле первого над вторым. В-пятых, расширение формы выражения парламентаризма путем включения в него новых компонентов (выборы, статус депутата, представительный характер парламента и т.д.).

Особо важно здесь подчеркнуть, что в центре внимания современных отечественных ученых главный признак парламентаризма, который отражен в той или иной форме практически во всех его определениях и именуется в большинстве случаев верховенством парламента. Это, в частности, очень четко подчеркивает Т. Я. Хабриева: «Главный критерий парламентаризма, отличающий его от любого иного вида государственного строя, – верховенство парламента. Лишь при верховенстве парламента может существовать парламентаризм» [46]. Используются здесь и иные термины, характеристики: «доминирующая», «существенная», «преимущественная», «основная», «формально верховенствующая» и др. Таким образом, наиболее удачной, лаконичной является характеристика, определение парламентаризма в качестве верховенства парламента.

Что можно сказать об изучении этого вопроса? Здесь, как и прежде, отсутствуют четкие конкретные определения парламентаризма. Некоторое оживление внесло учение ряда государств, которые возникли после распада СССР, заключающееся в том, что в них сохранилась еще дореволюционная, советская традиция давать такого рода определения. При этом отметим, что они во многом схожи с определениями современных российских ученых-юристов. В качестве примера, иллюстрации процитируем таковые из белорусской и украинской правовой литературы: «Парламентаризм – это система организации и функционирования верховной государственной власти при наличии выборного законодательного органа – парламента, характеризующегося разделением законодательной и исполнительной функций»; «Парламентаризм – это определенная в Конституции и иных законах и соответствующим образом трансформированная в практическую плоскость организация власти в государстве и обществе, при которой парламент, созданный на демократических основах, обладает юридическим статусом и региональными полномочиями представительного, законодательного, контрольного и учредительного характера в бюджетно-финансовой и внешнеполитических сферах, и своей активной деятельностью выступает гарантом защиты интересов как большинства, так и меньшинства граждан страны» [57, 58].

Заключение

Завершая статью, еще раз обратимся к вопросу взаимоотношения понятий «конституционализм» и «парламентаризм». Сразу же отметим, что данная проблематика была затронута в какой-то мере вскользь, без какой-либо фактически аргументации еще в дореволюционный период. Это было сделано К. Н. Соколовым. Справедливости ради отметим, что он при этом не употреблял термин «парламентаризм», а лишь сформулировал и представил тезис о том, что «главные начала парламентского строя» – это своеобразная система конституционализма [32].

К данной проблематике отечественные государствоведы более основательно обратились после 1993 г. Это нашло свое выражение в первую оче-

редь в анализе вопросов взаимопонимания, взаимосвязи либерализма, конституционализма, парламентаризма. Здесь в первую очередь прозвучал тезис о том, что конституционализм, парламентаризм – это составляющие либерализма [16, 59, 60]. Далее заслуживает внимания позиция Н. А. Богдановой, по мнению которой конституционализм представляет собой прежде всего систему взглядов, идей, воплощающих представление о конституционном государстве. Одним из признаков последнего является и народное представительство, парламентаризм. Отсюда понятие «конституционализм» играет роль системообразующей категории. Ей присущ наиболее высокий уровень обобщения, сферой которого выступает весь предмет науки конституционного права во всем его многообразии. Она объединяет все другие категории конституционного права, а любое его понятие проявляется в категории «конституционализм» [61, 62]. Таким образом, парламентаризм можно характеризовать как один из важнейших атрибутов, составляющих конституционализм.

Занимая такое положение, первое по отношению ко второму осуществляет две важнейшие функции. Во-первых, одной из основ конституционализма является представительная демократия. Главное, реальное, верховное ее выражение, воплощение в жизнь – парламент. Он избирается непосредственно гражданами, выступает как выразитель интересов всего народа, населения государства. Такая позиция данного органа, в свою очередь, зиждется на парламентаризме, который, как и отмечалось ранее, характеризуется верховенством парламента. Данный статус определяется не только представительным характером этого органа, но и другими факторами. Важнейшее значение здесь имеет то, что парламент наделен полномочиями самого высокого ранга, и прежде всего принимать законы – акты, регулирующие важнейшие вопросы функционирования общества, акты, стоящие на вершине правовой иерархии. Важно и то, что парламент формирует и иные органы государственной власти, осуществляет контроль по отношению к ним. Исходя из этого, обоснованно обозначение парламента в качестве верховного народного представительства. В результате парламентаризм представляет собой важнейший инструмент реализации такого постулата конституционализма, как представительная демократия.

Во-вторых, еще раз обратимся к значению конституции для конституционализма. Она его первооснова. Без нее нет конституционализма. И здесь особо значима роль парламентаризма. Это связано с тем, что верховенство парламента, которое ему обеспечивается, как отмечалось выше, обусловлено тем, в частности, что данный орган принимает законы самого высокого ранга, что ему принадлежит наиважнейшая роль в деле подготовки, принятия конституции, внесения в нее изменений.

Имеют место разнообразные решения подготовки проекта конституции. Так, он от начала и до конца создается специально образованным учредительным собранием или действующим парламентом. При этом важная роль отведена конституционной комиссии, которая создается учредительным органом или парламентом и которая реально подготавливает проект. Так, разрабатывались, например, Конституция Италии 1947 г., Конституция Болгарии 1991 г. В некоторых странах основные законы были приняты парламентами (Китай 1982 г., Грузия 1995 г., Финляндия 1909 г. и др.). Ряд парламентав для принятия конституции провозглашали себя учредительными собраниями

(Нидерланды 1983 г., Бразилия 1983 г. и др.). Важно отметить и то, что парламенты принимают и законы об изменении конституции. Подавляющее большинство конституций жесткие, и при внесении в них изменений по сравнению с гибкими чаще всего устанавливается требование квалифицированного большинства в палатах парламента. Таким образом, парламент, парламентаризм занимают одно из центральных мест в деле принятия, изменения конституции – основы конституционализма.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона : в 86 т. – СПб. : Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1895. – Т. XVI. – С. 87.
2. **Кареев, Н.** Происхождение современного народно-правового государства: Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / Н. Кареев. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 508 с.
3. Собрание узаконений. 1917. Отд. I. № 251. Ст. 1801, 1802; № 253. Ст. 1810; № 242. Ст. 1657. Сборник указов и постановлений Временного правительства. 1917. Вып. I. С. 255–258; 1918. Вып. 2. С. 44–280, 185–189, 255–279, 321–435, 497–525, 611–622.
4. Временный Совет Российской республики. Стенографический отчет. – 1917. – С. 1.
5. **Соколов, К. Н.** Учредительное собрание / К. Н. Соколов. – Петроград, 1917.
6. **Гессен, В. М.** Русское Учредительное собрание и выборы в него / В. М. Гессен. – Петроград, 1917.
7. Самодержавие и либералы в революцию 1905–1907 годов. – М. ; Л., 1925. – С. 151.
8. Практика буржуазного конституционализма / отв. ред. В. А. Туманов. – М. : ИГПАН, 1982.
9. Государственное право буржуазных и развивающихся стран / отв. ред. А. А. Мишин, Г. В. Барабашев. – М. : Юридическая литература, 1989. – С. 65.
10. **Нелин, М. И.** Критика буржуазных концепций о советском конституционализме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нелин М. И. – Киев, 1987.
11. История буржуазного конституционализма в XIX в. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1986. – С. 3, 4.
12. **Еременко, Ю. П.** Понятие и система социалистического конституционализма / Ю. П. Еременко // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – С. 175–196.
13. **Скуратов, Ю. И.** Советский конституционализм: понятие и структура / Ю. И. Скуратов // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1980. – С. 230–232.
14. **Степанов, И. М.** Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы / И. М. Степанов // Советское государство и право. – М., 1987. – № 10. – С. 20–28.
15. **Пахалов, М. Ю.** Конституционализм. К вопросу о понятиях / М. Ю. Пахалов // Философия права и конституционализм : материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца (г. Москва, 2 октября 2009 г.). – М. : ИГП РАН, 2010. – С. 87–94.
16. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1983. – С. 4.
17. **Степанов, И. М.** Уроки и парадоксы российского конституционализма : очерк-эссе / И. М. Степанов. – М. : Манускрипт, 1996. – С. 3.

18. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2011. – С. 85.
19. **Barnett, H.** Constitution and Administrative Law / H. Barnett. – 7 ed. – London : Routledge-Cavendish, 2009. – P. 5.
20. **Gicquel, J.** Droit constitutionnel et institutions politiques / J. Gicquel, J.-É. Gicquel. – 31-e éd. – Paris : L. G. D. J / Précis Domat, 2017. – P. 27.
21. **Шайо, А.** Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма : пер. с венг. / А. Шайо. – М. : Юрист, 1999.
22. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : Норма, 2001. – С. 304.
23. **Кравец, И. А.** Формирование российского конституционализма. Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Кравец И. А. – Екатеринбург, 2002. – С. 15, 16.
24. **Боброва, Н. А.** Конституционный строй и конституционализм в России / Н. А. Боброва. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 24, 25.
25. **Шульженко, Ю. Л.** Очерк российского конституционализма монархического периода. – М. : Институт государства и права РАН, 2008. – С. 3–5.
26. **Шульженко, Ю. Л.** Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование / Ю. Л. Шульженко. – М. : Институт государства и права РАН, 2010. – С. 6–9.
27. **Austin, J.** Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law / J. Austin. – 3-rd ed. – London : John Murray, Albemarle street, 1869.
28. **Barthélémy, J.** L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X / J. Barthélémy. – Paris : Giard & Brière, 1904.
29. **Pistorius, T.** Die Staatsgerichtshöfe und die Ministerverantwortlichkeit nach heutigem deutschen Staatsrecht / T. Pistorius. – Tubingen : Laupp., 1891.
30. **Лазаревский, Н. И.** Русское государственное право. Т. I. Конституционное право / Н. И. Лазаревский. – 3-е изд. – СПб. : Типография акционерного общества «Слово», 1913. – С. 667.
31. **Корф, С. А.** Русское государственное право. Ч. I / С. А. Корф. – М. : Скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. – С. 299.
32. **Соколов, К. Н.** Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентского строя / К. Н. Соколов. – СПб. : Типография «Печатный труд», 1912. – С. 7.
33. **Жилин, А. А.** Записка об ответственности министров / А. А. Жилин. – Петроград, 1916. – С. 16.
34. **Кокошкин, Ф. Ф.** Русское государственное право. Вып. II / Ф. Ф. Кокошкин. – М. : Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского ун-та, 1908. – С. 131–133.
35. Русское государственное право. Курс лекций, читаемых проф. В. М. Гессеном в С. П. Политехнического института на экономическом отделении в 1909–10 учебном году. – СПб., 1909. – С. 60–62.
36. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Свод основных государственных законов. – СПб., 1906.
37. **Палиенко, Н. И.** Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование / Н. И. Палиенко. – Харьков, 1910. – С. 4, 55–71.
38. **Гурвич, Г. С.** Основы советской конституции. Вып. 1 / Г. С. Гурвич. – 2-е изд. – М. : Госиздательство, 1922. – С. 90.
39. **Мишин, А. А.** Центральные органы власти буржуазных государств / А. А. Мишин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 169, 170.
40. **Козлова, К. И.** Конституционное право России : учебник / К. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 4-е изд. – М. : Проспект, 2010. – С. 410.
41. Государственное право Российской Федерации / отв. ред. О. Е. Кутафин. – М. : Юридическая литература, 1996. – С. 388.

42. Парламентское право России : учебник / под ред. О. Н. Булакова. – М. : Эксмо, 2006. – С. 59.
43. **Чиркин, В. Е.** Конституционное право России : учебник / В. Е. Чиркин. – 6-е изд. – М. : НОРМА, 2009. – С. 355.
44. **Нуденко, Л. А.** Конституционное право России / Л. А. Нуденко. – М. : Юрайт, 2011. – С. 445.
45. **Романов, Р. М.** Понятие и сущность парламентаризма / Р. М. Романов // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 213.
46. Парламентское право России / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Изд-во Государственной Думы, 2013. – С. 15, 16.
47. **Баглай, М. В.** Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. – С. 432.
48. **Безуглов, А. А.** Конституционное право России. Т. 2 : учебник / А. А. Безуглов, С. А. Солдатов. – М. : Профобразование, 2001. – С. 402.
49. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юрист, 2001. – С. 714.
50. Конституционное право. Т. II. Университетский курс / под ред. А. И. Казаника, А. Н. Костюкова. – М. : Проспект, 2016. – С. 275.
51. Сравнительное конституционное право / рук. проекта В. И. Чиркин. – М. : Манускрипт, 1996. – С. 511.
52. **Усманов, В. Е.** Парламентаризм в России: конституционно-правовые основы становления и деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Усманов В. Е. – М. : Международная академия предпринимательства, 2007.
53. Парламентаризм: обеспечение законодательных (представительных) органов власти : учебник / науч. ред. В. В. Бакушев, В. Н. Лихачев. – 2-е изд. – М. : Реал Принт, 2015. – С. 432.
54. **Астафичев, П. А.** Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Астафичев П. А. – М. : Филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – Поволжская академия государственной службы имени П. А. Столыпина, 2006. – С. 102.
55. **Авакьян, С. А.** Конституционное право России. Учебный курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 4-е изд. – М. : НОРМА, 2010. – Т. 2. – С. 445, 446.
56. **Керимов, А. Д.** Государственная организация общественной жизнедеятельности. Вопросы теории / А. Д. Керимов. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2014. – С. 116–118.
57. Парламентаризм в государствах-участниках Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств / под общ. ред. С. Л. Ткаченко, Д. Г. Гладее. – СПб. : Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 2017. – С. 166.
58. **Георгіца, А. З.** Конституційне право зарубіжних країн : підручник / А. З. Георгіца. – Тернопіль : Астон, 2003. – С. 309.
59. Политология. Энциклопедический словарь / сост. Ю. И. Аверьянов. – М. : Московский коммерческий ун-т, 1993. – С. 154.
60. **Пахоменко, Н. Б.** Из истории конституционных проектов в России : учеб. пособие / Н. Б. Пахоменко. – М., 2000. – С. 6.
61. **Богданова, Н. А.** Категория «конституционализм» в науке конституционного права / Н. А. Богданова // Российский конституционализм: проблемы и решения : материалы Междунар. конф. – М. : ИГП РАН, 1999. – С. 136–138.
62. **Онишко, Н. В.** Парламентаризм как конституционно-правовой институт / Н. В. Онишко // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 35–43.

References

1. *Entsiklopedicheskiy slovar'* F. A. Brokgauza, I. A. Efrona: v 86 t. [Encyclopedic dictionary by F. A. Brokgauz, I. A. Efron: in 86 volumes]. Saint-Petersburg: F. A. Brokgauz – I. A. Efron, 1895, vol. XVI, p. 87.
2. Kareev N. *Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva: Istoricheskiy ocherk konstitutsionnykh uchrezhdeniy i ucheniy do serediny XIX veka* [The origin of modern public legal state: a historical essay of constitutional ordinances and teachings till the middle of XIX century]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908, 508 p.
3. *Sobranie uzakoneniye. 1917. Otd. I. № 251. St. 1801, 1802; № 253. St. 1810; № 242. St. 1657. Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collected laws. 1917. Division I. № 251. Items 1801, 1802; № 253. Item 1810; № 242. Item 1657. Collected ordinances and decrees of the Temporary Government]. 1917, iss. I, pp. 255–258; 1918, iss. 2, pp. 44–280, 185–189, 255–279, 321–435, 497–525, 611–622.
4. *Vremennyy Sovet Rossiyskoy respubliky. Stenograficheskiy otchet* [Temporary Council of the Russian Republic. Verbatim]. 1917, p. 1.
5. Sokolov K. N. *Uchreditel'noe sobranie* [Legislative Assembly]. Petrograd, 1917.
6. Gessen V. M. *Russkoe Uchreditel'noe sobranie i vybory v nego* [Russian Legislative Assembly and elections therein]. Petrograd, 1917.
7. *Samoderzhavie i liberaly v revolyutsiiyu 1905–1907 godov* [Autocracy and the liberals during the revolution of 1905–1907]. Moscow; Leningrad, 1925, p. 151.
8. *Praktika burzhuaznogo konstitutsionalizma* [The practice of bourgeois constitutionalism]. Execut. ed. V. A. Tumanov. Moscow: IGPAN, 1982.
9. *Gosudarstvennoe pravo burzhuaznykh i razvivayushchikhsya stran* [State law of bourgeois and developing countries]. Execut. ed. A. A. Mishin, G. V. Barabashev. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989, p. 65.
10. Nelin M. I. *Kritika burzhuaznykh kontseptsiy o sovetskom konstitutsionalizme: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Criticism of bourgeois conceptions on soviet constitutionalism: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Kiev, 1987.
11. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma v XIX v.* [The history of bourgeois constitutionalism in the XIX century]. Execut. ed. V. S. Nersesyants. Moscow: Nauka, 1986, pp. 3, 4.
12. Eremenko Yu. P. *Pravoporyadok i pravovoy status lichnosti v razvitom sotsialisticheskom obshchestve v svete Konstitutsii SSSR 1977 goda* [Law and order and the legal status of an individual in the developed socialistic society in the context of the USSR Constitution of 1977]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980, pp. 175–196.
13. Skuratov Yu. I. *Pravoporyadok i pravovoy status lichnosti v razvitom sotsialisticheskom obshchestve v svete Konstitutsii SSSR 1977 goda* [Law and order and the legal status of an individual in the developed socialistic society in the context of the USSR Constitution of 1977]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980, pp. 230–232.
14. Stepanov I. M. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. Moscow, 1987, no. 10, pp. 20–28.
15. Pakhalov M. Yu. *Filosofiya prava i konstitutsionalizm: materialy chetvertykh filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V. S. Nersesyantsa (g. Moskva, 2 oktyabrya 2009 g.)* [Philosophy of law and constitutionalism: proceedings of 4th philosophical and legal readings commemorating academician V. S. Nersesyants (Moscow, October 2nd, 2009)]. Moscow: IGP RAN, 2010, pp. 87–94.
16. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XVII–XVIII vv.* [The history of bourgeois constitutionalism in XVII–XVIII centuries]. Execut. ed. V. S. Nersesyants. Moscow: Nauka, 1983, p. 4.
17. Stepanov I. M. *Uroki i paradoksy rossiyskogo konstitutsionalizma: ocherk-esse* [Lessons and paradoxes of the Russian constitutionalism]. Moscow: Manuscript, 1996, p. 3.

18. *Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Constitution in the XXI century: a comparative legal study]. Execut. ed. V. E. Chirkin. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2011, p. 85.
19. Barnett H. *Constitution and Administrative Law*. 7th ed. London: Routledge-Cavendish, 2009, p. 5.
20. Gicquel J., Gicquel J.-É. *Droit constitutionnel et institutions politiques* [Constitutional law and political institutions]. 31st ed. Paris: L. G. D. J; Précis Domat, 2017, p. 27.
21. Shayo A. *Samoogranichenie vlasti. Kratkiy kurs konstitutsionalizma: per. s veng.* [Self-restraint of power. A brief course of constitutionalism: translation from Hungarian]. Moscow: Yurist, 1999.
22. *Konstitutsionnoe pravo. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Constitutional law. Encyclopedic dictionary]. Execut. ed. S. A. Avak'yan. Moscow: Norma, 2001, p. 304.
23. Kravets I. A. *Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma. Problemy teorii i praktiki: dis. d-ra yurid. nauk* [Establishment of the Russian constitutionalism. Theoretical and practical problems: dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Ekaterinburg, 2002, pp. 15, 16.
24. Bobrova N. A. *Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii* [Constitutional system and constitutionalism in Russia]. Moscow: YuNITI-DANA, 2003, pp. 24, 25.
25. Shul'zhenko Yu. L. *Ocherk rossiyskogo konstitutsionalizma monarkhicheskogo perioda* [An essay on Russian constitutionalism of the monarchical period]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2008, pp. 3–5.
26. Shul'zhenko Yu. L. *Otechestvennyy konstitutsionalizm. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Russian constitutionalism. A historical and legal study]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2010, pp. 6–9.
27. Austin J. *Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law*. 3rd ed. London: John Murray, Albemarle street, 1869.
28. Barthélémy J. *L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X* [The introduction of the parliamentary regime in France under Louis XVIII and Charles X]. Paris: Giard & Brière, 1904.
29. Pistorius T. *Die Staatsgerichtshöfe und die Ministerverantwortlichkeit nach heutigem deutschen Staatsrecht* [The state court and the minister's responsibility under today's German constitutional law]. Tubingen: Laupp., 1891.
30. Lazarevskiy N. I. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. I. Konstitutsionnoe pravo* [Russian state law. Vol. 1. Constitutional law]. 3rd ed. Saint-Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Slovo», 1913, p. 667.
31. Korf S. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Ch. I* [Russian state law. Part 1]. Moscow: Skoropechatni A. A. Levenson, 1915, p. 299.
32. Sokolov K. N. *Parlamentarizm. Opyt pravovoy teorii parlamentskogo stroya* [Parliamentarism. The experience of the parliamentary system theory]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Pechatnyy trud», 1912, p. 7.
33. Zhilin A. A. *Zapiska ob otvetstvennosti ministrov* [A note on the ministers' responsibility]. Petrograd, 1916, p. 16.
34. Kokoshkin F. F. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Vyp. II* [Russian state law. Issue II]. Moscow: Obshchestvo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Moskovskogo un-ta, 1908, pp. 131–133.
35. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Kurs lektiy, chitaemykh prof. V. M. Gessenom v S. P. Politekhicheskogo instituta na ekonomicheskoy otdelenii v 1909–10 uchebnom godu* [Russian state law. A course of lectures by prof. V. M. Gessen at the economics department of Saint-Petersburg Polytechnical Institute in the 1909–1910 academic year]. Saint-Petersburg, 1909, pp. 60–62.
36. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. I. Ch. I. Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov* [Collected laws of the Russian Empire. Vol. 1. Part 1. Fundamental state laws]. Saint-Petersburg, 1906.

37. Palienko N. I. *Osnovnye zakony i forma pravleniya v Rossii. Yuridicheskoe issledovanie* [Fundamental laws and forms of government in Russia. A juridical study]. Kharkov, 1910, pp. 4, 55–71.
38. Gurvich G. S. *Osnovy sovetskoy konstitutsii. Vyp. I* [Fundamentals of the Soviet Constitution. Issue 1]. 2nd ed. Moscow: Gosizdatel'stvo, 1922, p. 90.
39. Mishin A. A. *Tsentrал'nye organy vlasti burzhuaзnykh gosudarstv* [Central authorities of bourgeois states]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1972, pp. 169, 170.
40. Kozlova K. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [The Russian constitutional law: textbook]. 4th ed. Moscow: Prospekt, 2010, p. 410.
41. *Gosudarstvennoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [State law of the Russian Federation]. Execut. ed. O. E. Kutafin. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1996, p. 388.
42. *Parlamentskoe pravo Rossii: uchebnik* [Parliamentary law in Russia; textbook]. Ed. by O. N. Bulakov. Moscow: Eksmo, 2006, p. 59.
43. Chirkin V. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [Constitutional law in Russia: textbook]. 6th ed. Moscow: NORMA, 2009, p. 355.
44. Nudenko L. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law in Russia: textbook]. Moscow: Yurayt, 2011, p. 445.
45. Romanov R. M. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal* [Sociopolitical journal]. 1998, no. 4, p. 213.
46. *Parlamentskoe pravo Rossii* [Parliamentary law in Russia]. Ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Izd-vo Gosudarstvennoy Dumy, 2013, pp. 15, 16.
47. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: ucheb. dlya vuzov* [Constitutional law of the Russian Federation: textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: NORMA: INFRA-M, 1999, p. 432.
48. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. T. 2: uchebnik* [Constitutional law in Russia: Vol. 2: textbook]. Moscow: Profobrazovanie, 2001, p. 402.
49. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Juridical encyclopedia]. Execut. ed. B. N. Topornin. Moscow: Yurist, 2001, p. 714.
50. *Konstitutsionnoe pravo. T. II. Universitetskiy kurs* [Constitutional law. Vol II. A university course]. Eds. A. I. Kazanik, A. N. Kostyukov. Moscow: Prospekt, 2016, p. 275.
51. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo* [Comparative constitutional law]. Project manager: V. I. Chirkin. Moscow: Manuskript, 1996, p. 511.
52. Usmanov V. E. *Parlamentarizm v Rossii: konstitutsionno-pravovye osnovy stanovleniya i deyatelnosti: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Parliamentarism in Russia: constitutional and legal foundations of the establishment and functioning: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow: Mezhdunarodnaya akademiya predprinimatel'stva, 2007.
53. *Parlamentarizm: obespechenie zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov vlasti: uchebnik* [Parliamentarism: support of legislative (representative) authorities: textbook]. Scientific ed. V. V. Bakushev, V. N. Likhachev. 2nd ed. Moscow: Real Print, 2015, p. 432.
54. Astafichev P. A. *Narodnoe predstavitel'stvo v sovremennoy Rossii: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Public representation in modern Russia: theoretical and legal regulation problems: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Moscow: Filial Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii – Povolzhskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby imeni P. A. Stolypina, 2006, p. 102.
55. Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: v 2 t.* [Constitutional law in Russia. Curriculum: in 2 volumes]. 4th ed. Moscow: NORMA, 2010, vol. 2, pp. 445, 446.
56. Kerimov A. D. *Gosudarstvennaya organizatsiya obshchestvennoy zhiznedeyatel'nosti. Voprosy teorii* [State organization of public life. Theoretical issues]. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2014, pp. 116–118.

57. *Parlamentarizm v gosudarstvakh-uchastnikakh Mezhparlamentskoy Assamblei Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv* [Parliamentarism in member-countries of the Inter-parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States]. Eds. S. L. Tkachenko, D. G. Gladey. Saint-Petersburg: Sekretariat Soveta Mezhparlamentskoy Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG, 2017, p. 166.
58. Georgitsa A. Z. *Konstitutsionnoe pravo zarubizhnikh krain: pidruchnik* [Constitutional law in foreign countries: textbook]. Ternopil: Aston, 2003, p. 309.
59. *Politologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Political science. Encyclopedic dictionary]. Comp. by Yu. I. Aver'yanov. Moscow: Moskovskiy kommercheskiy un-t, 1993, p. 154.
60. Pakhomenko N. B. *Iz istorii konstitutsionnykh proektov v Rossii: ucheb. posobie* [From the history of constitutional drafts in Russia: teaching aid]. Moscow, 2000, p. 6.
61. Bogdanova N. A. *Rossiyskiy konstitutsionalizm: problemy i resheniya: materialy Mezhdunar. konf.* [Russian constitutionalism: problems and solutions: proceedings of an International conference]. Moscow: IGP RAN, 1999, pp. 136–138.
62. Onishko N. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. 2003, no. 4, pp. 35–43.

Шульженко Юрий Леонидович

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
заведующий сектором конституционного
права и конституционной юстиции,
Институт государства и права
Российской академии наук (Россия,
г. Москва, ул. Знаменка, 10);
заслуженный юрист Российской
Федерации

E-mail: constitution@igpran.ru

Shul'zhenko Yuriy Leonidovich

Doctor of juridical sciences, professor,
senior staff scientist, head of the sector of
constitutional law and constitutional justice,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences (10 Znamenka street,
Moscow, Russia); honored lawyer of the
Russian Federation

УДК 342.41

Шульженко, Ю. Л.

Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение /
Ю. Л. Шульженко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 5–24. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-3-1.